

УДК 821.161.1
DOI 10.17223/18137083/74/8

**«Мгновенный старик»
в романе Константина Вагинова «Гарпагоониана»
(к вопросу о «возвращенной молодости» как сюжете
эпохи социалистической реконструкции)**

Я. Д. Чечнёв

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН
Москва, Россия*

Аннотация

Рассматривается образ Локонова, персонажа романа Константина Вагинова «Гарпагоониана», «механического гражданина» эпохи социалистической реконструкции, который хочет вернуть себе молодость. Показано, что Вагинов в создании персонажа отталкивался от выведенного в повести М. М. Зощенко «Возвращенная молодость» астронома Волосатова, выстраивая по принципу зеркальности двойника этого героя. Локонов по сюжету романа предпринимает ряд безуспешных попыток омолодиться, для того чтобы вернуть себе субъектность, в отличие от Волосатова, который стремится соответствовать трендам эпохи, идти в ногу со временем. Неудачи сопровождают Локонова потому, что он сознательно выхолащивает собственное прошлое, бездействует в настоящем и, по мысли автора, не может рассчитывать на будущее. Молодость для Локонова – это некий расплывчатый идеал чувства юности, который персонаж пытается «воскресить» через других, не понимая, зачем ему это нужно.

Ключевые слова

Вагинов, Гарпагоониана, молодость, старость, Зощенко, Козаков, социалистическая реконструкция, первая пятилетка

Для цитирования

Чечнёв Я. Д. «Мгновенный старик» в романе Константина Вагинова «Гарпагоониана» (к вопросу о «возвращенной молодости» как сюжете эпохи социалистической реконструкции) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 1. С. 109–118. DOI 10.17223/18137083/74/8

**“Instant old man” in Konstantin Vaginov’s novel “Garpagoniana”
 (“returned youth” as a plot of the socialist reconstruction era)**

Ya. D. Chechnev

*A. M. Gorky Institute of World Literature RAS
Moscow, Russian Federation*

Annotation

The paper examines the image of Lokonov, a character in Konstantin Vaginov’s novel “Garpagoniana,” a “mechanical citizen” of the socialist reconstruction era who wants to regain his youth. Starting from the text of “The returned youth” by Zoshchenko, Vaginov creates a double of the main character on the principle of mirroring. This idea is supported by

© Я. Д. Чечнёв, 2021

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2021. № 1
Siberian Journal of Philology, 2021, no. 1

several facts: similarity of characters names, opposite ages, social and financial status, portrait characteristics. Unlike Volosatov (“The returned youth”), striving to follow the trends of the era and keep up with the times, Lokonov makes a number of unsuccessful attempts to rejuvenate himself in order to regain subjectivity. In the desire to regain his youth, Lokonov refuses a retrospective image of himself as he considers the projection reflected in the diaries as well as the possibility of nuancing memories through things to be unsatisfactory. Deliberately cutting off his past, Lokonov bets on the present: through his love for Yulenska, he hopes to regain his youth, but he does not succeed. Failures accompany Lokonov because he consciously emasculates his own past, remains inactive in the present, and, according to the author, cannot count on the future. For Lokonov, being young is a vague ideal of feeling young. He tries to “resurrect” these feelings by means of others without understanding the reasons.

Keywords

Vaginov, Garpagoniana, youth, old age, Zoshchenko, Kozakov, socialist reconstruction, the first five-year plan

For citation

Chechnev Ya. D. “Instant old man” in Konstantin Vaginov’s novel “Garpagoniana” (“returned youth” as a plot of the socialist reconstruction era). *Siberian Journal of Philology*, 2021, no. 1, pp. 109–118. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/74/8

Действие «Гарпагоонианы» разворачивается в конце первой пятилетки. Константин Вагинов работал над романом в 1932–1933 гг., но заметки для будущего произведения составлял еще раньше [Бреслер, 2014]. «Гарпагоониана» не была опубликована при жизни писателя. Попытки ее издания предпринимались в 1960-е гг. М. Б. Мейлахом и Т. Л. Никольской, но не увенчались успехом [Московская, 2018]. Книга вышла отдельным томом в США в 1983 г. и содержала многочисленные неточности, в том числе в заглавии («Гарпагоониада» вместо «Гарпагоониана») [Вагинов, 1983]. Краткая история создания текста изложена в комментариях к роману в изданиях прозы Вагинова 1991 и 1999 гг. [Вагинов, 1991, с. 579–580; 1999, с. 557–558], полная – в статье Д. М. Бреслера [2018].

Пушкинская метафора из «Подражания Корану», употребленная нами в названии статьи, с наибольшей полнотой аттестует одного из главных героев «Гарпагоонианы» – Локонова, который узнает о своей неожиданной «старости» от собутельника Анфертьева: «Старик вы, вот что, <...> из юноши прямо в старики угодили. Вся жизнь вам кажется ошибкой. Так ведь перед смертью чувствуют» [Вагинов, 1991, с. 441].

«Быть молодым» к окончанию первой пятилетки требовала сама действительность: в 1932 г. страна справила свое 15-летие. Пафос обновления, омоложения сопровождал вырастающие на глазах заводы и фабрики, дома для пролетариата, культурные объекты. Этому способствовали географические и геологические открытия (точное нанесение на карту объектов Северной Земли, открытие ряда новых островов в Арктике – Ушакова, Шмидта, Визе и др., открытие хребта Ивана Черского в Якутии, системы Корякского нагорья, крупных очагов современного оледенения в горах Северо-Восточной Сибири, пика Коммунизма на Памире, хребта Академии наук; была измерена глубина Байкала и др.). «Посмотрите, товарищи, как много за последнее время, за время революционное, <...> как много открыто нами ископаемых, много месторождений железной руды, различных нефтей, углей, различных полезных минералов! Это свидетельствует о том, что в страну пришел новый, молодой, энергичный хозяин и начинает хозяйствовать», – замечал А. М. Горький [1953, с. 12].

Перерождение, которое было связано с «особым переживанием открывшейся новизны жизни и именно с таким обновленным восприятием мира» [Вигилянская, 2007, с. 132], переживали и советские писатели, например Б. Л. Пастернак (сборник «Второе рождение»), О. Э. Мандельштам («Сегодня можно снять декалькомани...»), Н. С. Тихонов («Анофелес») и др. Уже после смерти Вагинова накануне Первого всесоюзного съезда советских писателей в 1934 г. Ю. К. Олеша констатировал: «Мир стал моложе. Появились молодые люди. Я стал зрелым, окрепла мысль, но краски внутри остались те же. Так произошло чудо <...>. Так ко мне вернулась молодость» [Первый всесоюзный съезд советский писателей, 1934, с. 236]. Годом раньше Зощенко развивал эту мысль в повести «Возвращенная молодость» [2006, с. 5–247].

Между текстом Зощенко и романом Вагинова наблюдаются определенные переклички. Писатель мог читать «Возвращенную молодость» в журнале «Звезда» (1933. № 6, 8, 10), где в том же году были помещены три его стихотворения (1933. № 1. С. 85).

Вагинов отталкивается от текста Зощенко, создавая в «Гарпагониане» двойника главного героя повести по принципу зеркальности. В пользу этого говорят несколько фактов. В первую очередь перекличка фамилий двух персонажей, значение которых связано с волосатым покровом: Локонов («Гарпагониана») и Волосатов («Возвращенная молодость»). Зощенко в повести оправдывает выбор фамилии главного героя [Зощенко, 2006, с. 42–43], называя ее скромной, похожей на все остальные. В ходе своих размышлений автор «Возвращенной молодости» замечает: «Конечно, можно бы потрудиться и придумать фамилию более красивую или более оригинальную, а не брать столь случайное, ничего не обозначающее наименование» [Там же, с. 42]. Вагинов выбирает для своего героя возвышенную фамилию – Локонов (ср.: пушкинское «вьется локон золотой...»), противопоставляя ее сниженной – Волосатов. Только судьба носителя этой «высокой» фамилии окажется трагичной, тогда как «прозаичный» Волосатов станет более успешным в деле «омоложения».

У героев «Гарпагонианы» и «Возвращенной молодости» зеркально противоположны возраст (Локонову – тридцать пять лет, Волосатову – пятьдесят три) и ключевая портретная характеристика (Локонов почти лыс, Волосатов с седой шевелюрой). Герои противопоставлены и по социальному статусу: Локонов – иждивенец, деклассированный элемент, находящийся на попечении матери. Волосатов – финансово самостоятельный «стареющий господин», прославленный педагог и ученый-астроном.

Сближает персонажей их желание вернуть молодость, что соответствовало духу времени. «Безрассудная смелость» научных и околонаучных опытов была отражением экстремизма в социальной и политической среде, что, в свою очередь, являлось показателем психологических установок (сознательных и бессознательных) на массовое преображение советского гражданина [Куляпин, Скубач, 2013, с. 96]. В 1930-е гг. поиски наикратчайшего пути к изменению человеческой природы сообразно с материалистической логикой продолжались. Дальше профессора Преображенского из «Собачьего сердца» (1925) М. А. Булгакова, специалиста в области омоложения, пошел, например, Всеволод Далмат, герой романа М. Э. Козакова «Время плюс время» (1932), изобретший препарат антигипнотоксин для достижения вечной бодрости, который, по его мнению, способствовал искоренению старости как явления.

Вагинов отказывается от хирургического («Собачье сердце») и химического («Время плюс время») пути возвращения молодости для своего персонажа. Локонов, подобно Волосатову, идет третьим – психологическим – путем, предпринимая попытку самолечения посредством анализа своей болезни (вялости, апатии, хандры) и последующего ее (не)преодоления.

В пояснительной записке к «Гарпагопиане», адресованной М. Э. Козакову, Вагинов разъяснял, что герой его романа предпринимал несколько безуспешных попыток вернуть молодость [Вагинов, 1991, с. 513]. Перемена места жительства (Локонов из центра Ленинграда переезжает на окраину) не способствует его духовному возрождению, вместо этого он думает о самоубийстве. Попытка ходить вокруг техникума (которая Вагиновым не описана, но упоминается как один из узлов романа в упомянутой записке), также, по-видимому, не приносит существенных результатов. Третья попытка – возродиться благодаря любви (пусть и на короткий срок удавшаяся Волосатову из «Возвращенной молодости») – тоже проваливается. «Омоложение» Локонова оканчивается трагически: он не только не достигает положительного результата, но и погибает от руки того, кто указал ему на его «старость», торгаша и пьяницы Анфертьева.

Неудачи персонаж Вагинова связывает с политической ситуацией в стране, сформировавшей определенные социально-бытовые условия, при которых у него отсутствует возможность рассчитывать на улучшение своего положения: «Локонов чувствовал, что он является частью какой-то картины. Он чувствовал, что из этой картины ему не выйти, что он вписан в нее не по своей воле, что он является фигурой не главной, а третьестепенной, что эта картина создана определенными бытовыми условиями, определенной политической обстановкой первой четверти двадцатого века. Вписанность в определенную картину, принадлежность к определенной эпохе мучила Локонова. Он чувствовал себя какой-то бабочкой, посаженной на булавку» [Вагинов, 1991, с. 450].

Третьестепенная роль, отведенная Локонову после революции как бывшему дворянину, сыну прокурора [Там же, с. 452], автоматически попавшему в деклассированные элементы [Чуйкина, 2006, с. 96–129], мучает героя «Гарпагопианы». Он, подобно тем «механическим гражданам», направлявшим А. М. Горькому гневные письма, оказался против собственной воли «подданным» СССР [Горький, 1953, с. 431]. Вписанность в хронологические рамки определенного исторического периода мешает Локонову жить, собственное существование кажется ему противоестественным: насильственно «насаженный на булавку» времени он, как и бабочка, лишился своего назначения, основная его функция, какой бы она ни виделась персонажу (в романе это не уточняется), атрофировалась, его свобода оказалась существенно ограниченной. Автоматически записав Локонова в люмпены, его тем самым превратили из субъекта в объект: бабочка, основная функция которой опылять цветы, будучи посаженной на булавку, стала вещью, причем вещью, которая не соответствовала задачам эпохи.

В упоминавшейся пояснительной записке к «Гарпагопиане» Вагинов говорит о «музеальности» своего Локонова, что он, не вписавшись в определенный исторический момент, обречен на превращение в экспонат [Вагинов, 1991, с. 513]. Однако, с точки зрения социально-политической, даже превратившись в «демонстрационный образец» (бабочку на булавке), Локонов не годился для нового советского музея, основной целью которого было уже не хранение предметов самих по себе по принципу их принадлежности к определенному периоду, а демонстрация того, как постепенно бытие изменяло сознание и в результате этой эволюции

произошла революция. Как показали разыскания В. Г. Ананьева, приоритетной функцией музея в рамках этой концепции оказывалась пропаганда господствующей идеологии, поскольку музей является государственным предприятием и на него идут народные деньги. «Поэтому и музейным в полном смысле этого слова оказывался тот предмет, который лучше всего “проповедовал”, а так как “проповедовать” приходилось явления и процессы – предмет неизбежно уступал место документу» [Ананьев, 2012, с. 259]. Таким образом, музеи попадали в парадоксальную ситуацию: с одной стороны, необходимо было производить отбор предметов-«пропагандистов», с другой – заменять их наглядными «пособиями», вроде карт, графиков, диаграмм, которые отражали бы динамику воздействия бытия на сознание. Предмет, выставленный сам по себе в музейном пространстве, не давал целостное представление об этой динамике.

Вместе с тем не только предметы, но и большое количество людей выводилась представителями официальной власти за пределы «картины» советской жизни. Происходил парадоксальный процесс: после революции все население императорской России стало «подданными» СССР, но к концу первой пятилетки представители той его части, которые так и не научились жить в новой стране, были объявлены персонами нон грата, «лишними людьми». Они обвинялись, как это было ранее с представителями «есенинщины» [Корниенко, 2010, с. 30], во всех неудачах государства, особенно в воровстве, хищении и порче государственного имущества. Официальное объявление этой части населения лишней автоматически «опредмечивало» ее; государство самостоятельно решало вопросы «полезности» и «бесполезности» отдельного гражданина и было безжалостно к «лишним людям», поскольку они уже оказались списанными в утиль. Сталин, подводя итоги первой пятилетки, отмечал: «Нельзя сказать, чтобы эти бывшие люди могли что-либо изменить своими вредительскими и воровскими махинациями в нынешнем положении в СССР. <...> ...они умирают и доживают последние дни» [1933, с. 25].

Одним из способов выйти из стана «лишних людей» было «омоложение», описанное в повести Зошенко, герою которого Васильку молодость нужна была для того, чтобы осовремениться, переменить «буржуазный» скепсис на лояльное отношение к новой действительности: герой «Возвращенной молодости» по началу идет «неверным» путем закалки собственной оболочки (начинает заниматься физкультурой), а после приходит к выводу, что обновление мысли (психологии) в духе марксистско-ленинской идеологии [Жолковский, 1999, с. 70] – вот подлинное омоложение.

Локонов из «Гарпагонианы» не интересуют идеологемы, поскольку он чувствует определенную несвободу, исходящую от них. Ему нужна молодость для возвращения себе субъектности, «ясного и радостного ощущения мира» [Вагинов, 1991, с. 430], подобного тому, которое он испытывал в юности, когда еще не был насильно поставлен на третье место в картину определенной исторической эпохи. Юность представляется ему идеальным временем легкости чувств и действий. Когда во второй главе романа Локонов с ужасом открывает для себя, что его шаг не похож на легкий шаг юноши, его начинает пугать дряхлость. «Где же мой прекрасный сон, где же сон моей юности!» [Вагинов, 1991, с. 380] – в отчаянии восклицает он.

Локонов бунтует против своего положения в сложившейся иерархии. Он полагает, что переезд поспособствует его омоложению. Поскольку вещи в комнате напоминают ему о его возрасте, то Локонов решает избавиться от «умерших» для

него предметов (стола времен Александра I, шкафчика для книг времен Павла I, дивана, двух кресел красного дерева) и перебирается из центра Ленинграда на рабочую окраину, в Выборгский район, в обстановку, состоящую из грошового стула, крохотной этажерки, некрашеного кухонного столика и расшатанной кровати. На новом месте персонажа ждет неожиданный удар: перечитывая свои дневники, чтобы как-то развеять гнетущее ощущение старения, Локонов отметет, как прескверно в них отразился его образ – не таким юношей он себя представлял. Если Василек из «Возвращенной молодости» пытался скорректировать свое отношение к воспоминаниям отрочества и таким образом научиться жить в настоящем, то Локонов решает от них избавиться. Сначала он думает сжечь дневники, но после решает сделать из них скатерть и салфетки для попойки с Анфертьевым. Таким образом персонаж намеренно выхолащивает собственное прошлое, лишая себя той основы (дневников), где были пунктирно отмечены этапы его становления как личности. Также он дистанцируется от персонализированной «социологической системы вещей» (Бодрийяр) своей комнаты, благодаря которой имеет возможность вспоминать, как он, например, «любил читать Пушкина, расстроганный, даже иногда плакал над отдельными строчками, не в силах вынести красоты» [Там же, с. 422]. Иначе говоря, Локонов одновременно отказывается от ретроспективного образа самого себя, считая отразившуюся в дневниках проекцию неудовлетворительной, а также возможности нюансировки воспоминаний посредством вещей.

Намеренно отсекая свое прошлое, Локонов делает ставку на настоящее: через любовь к Юленьке он надеется вернуть себе молодость. Но на этом пути персонаж сталкивается с проблемами, решить которые оказывается не в состоянии. Желая полюбить Юленьку он не знает, как определить это чувство, поскольку к тридцати пяти годам ни разу его не испытывал, ему было не с чем сравнивать: «У него не было воспоминаний о первой встрече, о запоминающихся на всю жизнь прогулках, о беспокойстве, о взаимных подарках, о неожиданных восторгах, возникающих по поводу самых простых слов, сказанных самым простым голосом» [Там же, с. 400–401]. Представления Локонова о любви зиждутся на книжных штампах. В одной из сцен романа ему хочется просить у Юленьки «лоскут на память, глядеть в ее глаза, взять ее руки и целовать ладони, хотелось, чтобы она гладила его по голове» [Там же]. Не понимая, что испытывает ревность, Локонов следит за своей «возлюбленной», боясь приблизиться к ней, а после состоявшегося на квартире Торопуло знакомства – заговорить с Юленькой.

Помимо неопытности в амурных делах, Локонова мучит его внешний вид, свидетельствующий о безысходной (поскольку жил он с матерью на правах несовершеннолетнего) бедности персонажа. Локонов «с самой нежной заботливостью <...> охранял свой, пришедший в явную негодность, костюм. Как с драгоценным, хрупким предметом обращался он со своими заплатанными и сильно поредевшими брюками» [Там же, с. 400]. В истории «любви» к Юленьке он заведомо считает себя аутсайдером, поскольку ему нечего предложить ей, кроме «душевного богатства тысяча девятьсот двенадцатого года» [Там же, с. 401]. Комплекс неполноценности не позволяет персонажу отвлечься от скверных мыслей о своем выдуманном сопернике, который прельщает «падкую» на богатство и статус Юленьку: «Должно быть он специалист, <...> наверное, он хорошо зарабатывает, любит старинные гравюры, собирает редкие книги и слоновую кость, и ему ничего не стоит увлечь девушку» [Вагинов, 1991, с. 403]. После долгожданного знакомства Локонову удастся пригласить Юленьку в гости в Выборгский район. Однако, не

обладая должной «пассионарностью», в сцене свидания он бездействует, заставляя Юленьку сомневаться в себе: «Что же, – думала она, – он даже не поцеловал меня, неужели я ему не нравлюсь...» [Вагинов, 1991, с. 447]. Эпизод заканчивается проводами до дома и последующими отчаянными мыслями Локонова о неудачной попытке вернуть молодость.

Персонаж Вагинова терпит поражение как в прошлом (от которого отказывается), так и в настоящем (где он бессилён). Попытка компенсировать неудачи в альтернативном мире, в данном случае в мире сновидений, также оказывается безрезультатной. Локонов, чтобы «взбодриться», коллекционирует сновидения, которые для него на улицах, во дворах, в общественных заведениях и т. п. записывает Анфертьев. Но сам персонаж оказывается лишенным возможности видеть сны и рассчитывать как-то отвлечься от своего мучительного положения третьей-степенной фигуры на картине определенной исторической эпохи. Подробнее об этом аспекте деятельности Локонова мы уже писали ранее [Чечнёв, 2019], но к сказанному стоит добавить то, что утрата способности видеть сны вызвана, на наш взгляд, несостоятельностью персонажа как в прошлом, так и в настоящем. Намеренный отказ от юношеских впечатлений и бездействие в зрелом возрасте лишают возможности душу Локонова получить достаточное количество переживаний, способных породить сон как психосоматическое состояние. О важности впечатлений от настоящего говорится в «Онейрокритике» Артемидора (известном соннике античности), которую персонаж Вагинова считает недостаточно глубокой книгой [Там же, с. 458], предпочитая читать «антифеминистский» памфлет Боккаччо «Ворон» или «Камасутру».

Перспектива будущего возвращения молодости также оказывается закрытой для Локонова, поскольку, не имея ни прошлого, ни настоящего, нельзя составить какой-либо прогноз на грядущее.

Справедливости ради необходимо отметить, что персонажу Вагинова все же удается вернуть молодость, правда, всего на один день. Происходит это после подготовки к самоубийству, которое не совершается по причине затянувшихся приготовлений: «Жизнь не удалась, – подумал он (Локонов. – Я. Ч.) и стал мылить полотенце. Наступал рассвет. <...> Внезапное успокоение сошло на работающего человека. – Рано еще, – подумал Локонов. Он отложил мыло и хорошо намывленное полотенце и решил пройтись по городу» [Там же, с. 443]. Во время прогулки Локонова захлестнуло «чувство жизни»: ему захотелось побежать, его одолевал восторг, ум все вокруг воспринимал с одобрением, мысленно персонаж причислял себя к молодому поколению.

В предуведомлениях к приключениям Василька рассказчик «Возвращенной молодости» пытается понять, «какую ошибку совершают люди, что уже в тридцать пять лет к ним приходит увядание» [Зоценко, 2006, с. 39]. Вагинов вполне определенно дает свои ответы на этот вопрос. Тридцатипятилетний Локонов оказывается персонажем-пустышкой, «механическим гражданином», существование которого, лишенное какой бы то ни было подоплеки, буквально механистично: мотивы ушедшей молодости и покупки сновидений повторяются практически в каждой сцене с участием персонажа, бытие которого наполнено переживанием по поводу утраченного «сна юности» и желания избавиться от этих мыслей. Локонов обречен на гибель. Недаром его убийца в порыве пьяного откровения говорит о неспособности Локонова «прикрепиться» к «реальной жизни», поскольку его не интересуют ни деньги, ни служебное положение, ни удобства, ни слава, ни прошлое, ни настоящее: «...старый мир вы презираете, новый мир вы ненавиди-

те» [Вагинов, 1991, с. 441]. Молодость, которую хочет вернуть Локонов, оказывается игрушкой ума, недостижимым идеалом, поскольку сам персонаж не представляет себе, каким образом можно вернуть «ясное и радостное ощущение мира».

Список литературы

Ананьев В. Г. Проект «социального музея» Ф. И. Шмита: к дискуссиям середины 1920-х гг. о форме и задачах музеев // Вестник архивиста. 2012. № 2. С. 251–260.

Бреслер Д. М. «Если <роман> вытащить на солнце, от него ничего не останется»: прагматика второй редакции «Гарпагоонианы» Конст. Вагинова // Новое литературное обозрение. 2018. № 6 (154). С. 15–27.

Бреслер Д. М. «Семечки» К. К. Вагинова: творческая лаборатория писателя начала 1930-х годов // Русская филология: Сб. науч. тр. молодых филологов (Тарту). 2014. № 25. С. 224–234.

Вагинов К. К. Гарпагоониада. Ann Arbor: Ardis, 1983.

Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы. М.: Современник, 1991.

Вагинов К. К. Полное собрание сочинений в прозе. СПб.: Академический проект, 1999.

Вигилянская А. Второе рождение. Об одном философском источнике творчества Бориса Пастернака // Вопросы литературы. 2007. № 6. С. 131–146.

Горький А. М. «Механическим гражданам» СССР. Ответ корреспондентам // Горький А. М. Собр. соч.: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 24: Статьи, речи, приветствия. 1907–1928. С. 431–441.

Горький А. М. Весь мир смотрит на нас // Горький А. М. Собр. соч.: В 30 т. М.: ГИХЛ, 1953. Т. 26: Статьи, речи, приветствия. 1931–1933. М.: ГИХЛ, 1953. С. 11–15.

Жолковский А. К. Михаил Зощенко: поэтика недоверия. М.: Языки русской культуры, 1999.

Зощенко М. Возвращенная молодость // Зощенко М. Соч. М., 2006. Т. 5.

Корниенко Н. В. Крестьянский вопрос в литературно-критических полемиках «нэповской оттепели» // В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930-х годов / Отв. ред. О. А. Казнина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 3–59.

Куляпин А. И., Скубач О. А. Новое в физиологии мозга // Куляпин А. И., Скубач О. А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи: Монография / Отв. ред. И. В. Силантьев. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 96–101.

Московская Д. С. Из истории литературной политики XX века. «Литературное наследство» как академическая школа // Вопросы литературы. 2018. № 1. С. 296–333.

Первый всесоюзный съезд советских писателей: Стенографический отчет. М.: ГИХЛ, 1934.

Сталин И. Итоги первой пятилетки // Борьба классов. 1933. № 1. С. 2–27.

Чечнёв Я. Д. О снах нового типа в романе К. К. Вагинова «Гарпагоониана» // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 282–294.

Чуйкина С. А. Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2006.

References

- Anan'ev V. G. Proekt "sotsial'nogo muzeya" F. I. Shmita: k diskussiyam serediny 1920-kh gg. o forme i zadachakh muzeev [The project of the "social museum" by F. I. Schmit: to the discussions of the 1920s about the form and tasks of museums]. *Herald of an Archivist*. 2012, no. 2, pp. 251–260.
- Bresler D. M. "Esli <roman> vytashchit' na solntse, ot nego nichego ne ostanetsya": pragmatika vtoroy redaktsii "Garpagoniany" Konst. Vaginova ["If < the novel> is pulled out into the sun, nothing will remain of it": the pragmatics of the second edition of "Garpagoniana" Konstantin Vaginov]. *New Literary Observer*. 2018, no. 6 (154), pp. 15–27.
- Bresler D. M. "Semechki" K. K. Vaginova: tvorcheskaya laboratoriya pisatelya nachala 1930-kh godov ["Seeds" by K. K. Vaginov: creative laboratory of the writer of the early 1930s]. In: *Russkaya filologiya: Sb. nauch. tr. molodykh filologov (Tartu)* [Russian Philology: Collection of scientific works of young philologists (Tartu)]. 2014, no. 25, pp. 224–234.
- Chechnev Ya. D. O snakh novogo tipa v romane K. K. Vaginova "Garpagoniana" [About dreams of a new type in K. K. Vaginov's Novel "Garpagoniana"]. *The New Philological Bulletin*. 2019, no. 4 (51), pp. 282–294.
- Chuykina S. A. *Dvoryanskaya pamyat': "byvshie" v sovetskom gorode (Leningrad, 1920–30-e gody)* [Noble memory: "former" in the Soviet city (Leningrad, 1920–30s)]. St. Petersburg, EUSPb Publ., 2006, 259 p.
- Gor'kiy A. M. "Mekhanicheskim grazhdanam" SSSR. Otvet korrespondentam [To the "Mechanical Citizens" of the USSR. Response to correspondents]. In: Gor'kiy A. M. *Sobr. soch.: V 30 t. T. 24: Stat'i, rechi, privetstviya. 1907–1928* [Collected works in 30 vols. Vol. 24. Articles, speeches, greetings. 1907–1928]. Moscow, GIKhL, 1953, pp. 431–441.
- Gor'kiy A. M. Ves' mir smotrit na nas [The whole world is looking at us]. In: Gor'kiy A. M. *Sobr. soch.: V 30 t. T. 24: Stat'i, rechi, privetstviya. 1907–1928* [Collected works in 30 vols. Vol. 24. Articles, speeches, greetings. 1907–1928]. Moscow, GIKhL, 1953, pp. 11–15.
- Kornienko N. V. Krest'yanskiy vopros v literaturno-kriticheskikh polemikakh "nepovskoy otpepeli" [The peasant question in literary-critical controversies of New Economic Policy era]. In: *V poiskakh novoy ideologii: sotsiokul'turnye aspekty russkogo literaturnogo protsessa 1920–1930-kh godov* [[In search of a new ideology: Socio-cultural aspects of the Russian literary process of the 1920s-1930s]. O. A. Kaznina (Ed. in ch.). Moscow, IWL RAS, 2010, pp. 3–59.
- Kulyapin A. I., Skubach O. A. Novoe v fiziologii mozga [New in physiology of brain]. In: Kulyapin A. I., Skubach O. A. *Mifologiya sovetskoy povsednevnosti v literature i kul'ture stalinskoy epokhi: Monografiya* [Mythology of the Soviet everyday life in the literature and culture of the Stalinist epoch: Monograph]. I. V. Silant'ev (Ed. in ch.). Moscow, LRC Publishing House, 2013, pp. 96–101.
- Moskovskaya D. S. Iz istorii literaturnoy politiki 20 veka. "Literaturnoe nasledstvo" kak akademicheskaya shkola [From the history of literary politics of the twentieth century. "Literary heritage" as an academic school]. *Voprosy literatury*. 2018, no. 1, pp. 296–333.
- Pervyy vsesoyuznyy s'ezd sovetskikh pisateley: Stenograficheskiy otchet* [First all-Union Congress of Soviet writers: a shorthand report]. Moscow, GIKhL, 1934.
- Stalin I. Itogi pervoy pyatiletki [Results of the first five-year plan]. *Bor'ba klassov*. 1933, no. 1, pp. 2–27.

- Vaginov K. K. *Garpagoniada* [Garpagoniada]. Ann Arbor, Ardis, 1983.
- Vaginov K. K. *Kozlinaya pesn': Romany* [Goat song: Novels]. Moscow, Sovremennik, 1991.
- Vaginov K. K. *Polnoe sobranie sochineniy v proze* [Complete works in prose]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt, 1999, 590 p.
- Vigilyanskaya A. Vtoroe rozhdenie. Ob odnom filosofskom istochnike tvorchestva Borisa Pasternaka [Second birth. About one philosophical source of Boris Pasternak's creativity]. *Voprosy literatury*. 2007, no. 6, pp. 131–146.
- Zholkovskiy A. K. *Mikhail Zoshchenko: poetika nedoveriya* [Mikhail Zoshchenko: poetics of distrust]. Moscow, LRC Publishing House, 1999.
- Zoshchenko M. *Vozvrashchennaya molodost'* [The returned youth]. In: Zoshchenko M. *Soch. T. 5* [Works. Vol. 5]. Moscow, 2006.

Сведения об авторе

Чечнёв Яков Дмитриевич – научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН (Москва, Россия)
ya.d.chechnev@yandex.ru
ORCID 0000-0001-9439-0430

Information about the author

Yakov D. Chechnev – researcher at A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)
ya.d.chechnev@yandex.ru
ORCID 0000-0001-9439-0430